

David Midgley

THE ESSENTIAL MARY MIDGLEY

London; New York: Routledge, 2005. 424 p.;
ISBN-13: 978-0415346429

УДК 82-95 (101)
DOI: 10.31802/2500-1450-2019-34-307-311

Философское наследие Мэри Миджли весьма разносторонне и входит в корпус важнейших текстов англоязычной философии второй половины XX столетия. Этот период был отмечен интенсивным возрождением философского интереса к классической метафизике и этике, сопровождавшемся одновременным разочарованием в современных идеалах автономного разума и морали. В рецензируемом издании собраны эссе и статьи философа, чьё видение реальности, укоренённое в незыблемых и великих началах метафизики, позволяет проникать к сути вещей и процессов.

Мэри Миджли резко и глубоко критикует такие интеллектуальные и духовные недуги современности, как материализм, позитивизм, нигилизм и эмотивизм. Все они являются симптомами утраты величественного и прекрасного видения и рассказа о реальности, который был основан на метафизике и теологии. В традиционной метафизике вопрос: «что есть вещь?» — был неотделим от вопроса: «что есть бытие по ту сторону всякого опыта?» Первый вопрос имел смысл только в перспективе второго, а вне его становился абсурдным и исчезал. Однако именно это и происходит в современном мире, который достиг больших успехов в технологиях, но зашел в этический и метафизический тупик.

Книга структурирована в соответствии с тематикой статей и состоит из пяти частей. Первая называется «Корни человеческой природы». В ней развенчиваются популярные мифы о том, что сознание человека при рождении представляет собой «чистый лист» или же что примитивный человек был «чудовищем» наподобие животных. Наряду с этим, обсуждается философская проблема морального статуса животных, и приводятся убедительные аргументы в пользу того, что животные должны быть включены в человеческую моральную вселенную и защищены от насилия и посягательств. Интерес представляет

обсуждение вопроса, является ли дельфин личностью, несмотря на то, что он не является человеком и не может быть предметом собственности так же, как один человек не может быть собственностью другого. Особенно остро этот вопрос встаёт в свете истории понятия «личность» (*persona*), трансформации его смысла и борьбы за его расширение на группы людей, которые в разные исторические периоды не включались в круг именуемых личностями. Все эти обстоятельства являются важными в свете переосмысления отношения человека к окружающему миру и соответствующей трансформации его повседневных практик в направлении более разумного и бережного хозяйствования. «Мы нуждаемся в новом мышлении, в новых понятиях и новых словах, не только о животных, но обо всем нашем отношении к нечеловеческому миру» (р. 142)

Вторая часть под названием «Философия в мире» посвящена вопросу соотношения философии как теоретической рефлексии и жизни, индивидуальной и социальной, во всём её разнообразии. Универсальный тренд к специализации, в XX столетии ставший практически повсеместным, лишил философию её интегрирующей роли и привел её к упадку. Доминирующая ныне в англоязычном академическом мире аналитическая философия, во многом, ставшая результатом этой специализации и формализации, проявила свою неэффективность прежде всего в области этики. В частности, концепция Мура, характеризующаяся эмотивизмом — представлением о том, что моральный выбор обусловлен внутренними предпочтениями субъекта, неспособна связать «факты» и «ценности». Иными словами, формализованная и стандартизованная этическая теория становится совершенно абстрактной и неприспособленной к реальной жизни. Многочисленные попытки аналитической философии устранить всякую понятийную и лингвистическую двусмысленность путём формализации языка не приводят к чаемому результату. Они скрывают имплицитную метафизику, предполагающую реально существующим лишь то, что подлежит формализации и логическому обоснованию. Но мир не редуцируется к столь скудной и абстрактной основе как рациональная систематизация, он материален и населен людьми, сталкивающимися с конкретными жизненными проблемами, не поддающимися формализации. «Мы не можем оторвать чувства от интеллекта и искать нашего спасения только в интеллекте, хотя такой порядок, конечно, часто сегодня предлагается» (р. 194) Миджли призывает обратиться к более адекватной и сложной антропологии и этике, воспринимающей человека во всей его противоречивости, напряжении между разумом и волей, беспредельном разнообразии мотивов и стремлений. Критику морального

релятивизма философ основывает на том, что всякая мораль существует только предполагая и эксплицитно утверждая свою универсальность. Иными словами, такие феномены как добро, справедливость и свобода не являются относительными, но присутствуют во всех культурах и локальных сообществах, обретая в них разные образы выражения и воплощения.

В третьей части под названием «Научные мифы» Миджли проводит деконструкцию сциентизма и указывает на нередуцируемый метафизический горизонт естествознания. В секулярном мире Модерна наука становится квазирелигией со всеми присущими ей атрибутами: идеей прогресса, спасения и всемогущества. Теория эволюции стала квинт-эссенцией этой квазирелигиозной идеологии на научной почве, обещая ответить на беспокоящий вопрос о природе и судьбе человека. С одной стороны, человек мыслится как венец творения, привнося в оригинальную теорию Дарвина идею цели развития природы. С другой стороны, эволюционизм принижает человека, указывая на то, что он есть часть природы, не знающей морали и поощряющей насилие, а также эгоизм в борьбе за выживание. Так или иначе, Миджли верно выявляет квазирелигиозные и даже профетические механизмы современной науки, стремящейся стать универсальным и спасительным феноменом, что происходит не столько из действительной силы науки, сколько из её моральной респектабельности и желания людей ассоциировать себя с авангардным знанием. Материалистическая метафизика, являющаяся неявным бэкграундом сциентизма, со времени своего возникновения на заре Модерна была и остаётся идейным орудием против религии. Однако сами установки и неявные допущения такого рода в рассказе о мире являются явно метафизическими, а представление о том, что является истинным и что не является, так же, как и о том, что представляет из себя природа реальности, выходят за рамки того метода, который провозглашается единственно допустимым и оправданным, — эмпирического.

В четвёртой части под названием «Разум и воображение» представлена критика философского редукционизма, восходящего к Декарту и разделяющего мышление и воображение. Однако воображение не является низшей и факультативной способностью человеческой природы, но соответствует сущностной — для сознания и познания. Пересмотр гносеологии позволяет иначе увидеть соотношение науки и философии, а также литературы, поэзии и искусства. Человек участвует в тайне мироздания не только как рационально познающий агент, но и как творец, использующий воображение и чувство в постижении реальности и уподоблении прекрасному. Современная научная парадигма имеет своим

истоком атомистическую философию греческой и римской античности, которая хотя и не была заинтересована в эмпирическом подтверждении своих оснований, все же была материалистической. Картезианская философия с её дуализмом мыслимой и материальной субстанций сталкивается в этой перспективе с неразрешимой проблемой, ибо самоочевидное и ясное самосознание не может быть локализовано в такой реальности. «Материализм и идеализм в одинаковой степени являются продуктами дуализма. Поэтому неустойчивое понятие изолированного Я не исчезает. Призрак всё ещё преследует машину, потому, что машина не изменилась настолько сильно, чтобы обойтись без этого» (р. 336) Но именно здесь обнаруживается потенциал для трансформации устоявшегося научного взгляда на реальность, ибо «факт сознания» становится уже не лишь одним фактом, среди всех других, но той перспективой или контекстом, в котором происходит всякое познание. Онтология и гносеология, представление о природе и методе познания не являются первичными, но происходят из более широкого контекста, из восприятия мира в целом и места человека в нём.

В пятой части «Мышление Геи: соединяя всё вместе» речь идёт о гипотезе Геи, сформулированной Джеймсом Лавлоком и говорящей о гомеостазе планеты. В соответствии с этой гипотезой биологическая жизнь на Земле образует целостную и крайне сложную саморегулирующуюся систему, устойчивую и обеспечивающую баланс необходимых условий для поддержания жизни и существования живых организмов на планете. К примеру, земная атмосфера, содержащая свободный кислород и позволяющая существовать людям и другим организмам, является продуктом жизнедеятельности растений, в ходе фотосинтеза расщепляющих углекислый газ. Идея о мире как едином организме имеет давнюю историю и восходит к античным взглядам на реальность. Эта гипотеза бросает вызов просвещенческой атомистической философии и редукционистскому естествознанию. Она позволяет увидеть мир целостно, в противовес редукции, специализации, фрагментации и отчуждению. Миджли предлагает применить гипотезу Геи к социальным и культурным планам человеческого бытия для реинтеграции и формирования экологического мировоззрения и гармоничной включённости цивилизации в природный контекст. Гипотеза Геи лежит за пределами конвенциональной биологии и экологии, но тем не менее предлагает продуктивный взгляд на то, каким образом столь удивительный и, казалось бы, хрупкий баланс физических, химических и прочих факторов сохраняется на нашей планете вопреки деструктивному влиянию агрессивной внешней космической среды. Атомистическая и механистическая методология не способна дать удовлетворительный

ответ на столь важный вопрос, равно как индивидуалистическая онтология неспособна объяснить общество и этику. Ни одна из глобальных проблем, стоящих перед лицом современного человечества, включая загрязнение окружающей среды, не может быть решена в отдельности от других проблем, включая экономические, социальные и политические. Это означает, что для выживания человечеству необходимо не только развитие технологий и получение новых знаний об устройстве отдельных областей мироздания, но изменение видения реальности в направлении большей целостности и сложности. Мир, как незаслуженный и прекрасный дар, не должен подавляться, эксплуатироваться и волюнтаристски преобразовываться, но должен быть принят с благодарностью к Дарящему и уважением к самому дару.

Миджли делает следующие выводы. Неприятие метафизики в любой её форме и стиле соответствует духу нашей эпохи не только в науке, но и в общественном сознании. Однако, будучи основанием цивилизации, метафизика не может быть попросту развенчана и отброшена, ибо место старой метафизики всегда занимает другая, хотя и более скрытая и неявная. Самоуверенность сопровождается неотступным беспокойством и напряжённым ожиданием в сознании современного человека, осознающего себя мельчайшей частицей, затерянной в бесконечном мировом хаосе и не способной защитить себя от бесчисленных опасностей. По мнению Мэри Миджли, всё это происходит потому, что у человека искажено понимание самого себя и своего отношения к миру, который является не лабораторией для опытов и не пассивным источником ресурсов, а общим домом для человека и бесчисленного множества живых существ. Научно-технический прогресс должен сопровождаться повышением этической ответственности человека и осознанием его неразрывной связи со всем миром, ответственности за мир и его сохранение.

Сборник текстов современного британского философа открывает широкие перспективы для развития человеческого знания в его неразрывности с основными вопросами повседневной жизни общества и индивидуума, общего будущего на планете. Он показывает, как переосмыслить соотношение науки, философии и богословия для возвращения к утраченному единству и взаимному обогащению. Этот взгляд направлен на вечные истины, неизмеримая ценность и плодотворность которых становится особо ощутимой во времена кризисов и всеобщей растерянности.

Олег Борисович Давыдов